

ТИП КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ СТИЛЬ

© 2004 Л.В. Куликова

Красноярский государственный педуниверситет

Для современного фона взаимоотношений русских и немцев характерна интенсификация контактов на политическом, общественном, экономическом и образовательном уровнях. Эффективность этих контактов находится, однако, как свидетельствуют многочисленные примеры, в отрицательной корреляции к интенсивности. Это в меньшей степени затрагивает сферу официального общения государственного уровня, регулируемого нормами международных стандартов, особого протокола и этикета. Межкультурные недоразумения и конфликты возникают чаще всего в ситуациях производственного сотрудничества, переговоров между представителями бизнеса, взаимодействия по линии образовательных программ.

Часто проблемы непонимания сопровождаются также контакты между русскими и немцами на уровне повседневного межличностного общения. При этом речь идет не только и даже не столько о знании иностранного языка. В большинстве случаев неудачи происходят из-за того, что участники коммуникативного акта выстраивают свое поведение в соответствии с нормами и правилами национального коммуникативного стиля, сформировавшегося в результате процессов инкультурации¹ в рамках собственного лингвокультурного окружения. Кроме того, не учитывается разница в видении мира, в подходах к организации дела, в культурно обусловленных коммуникативных стратегиях и тактиках.

Взаимные коммуникативные неудачи при этом оцениваются часто только на эмоциональном уровне и не основываются на объективном

анализе происходящего, на знании и понимании культурных различий, которые детерминируют национальные коммуникативные стили и, соответственно, дискурсивное поведение представителей двух культур в ситуациях межкультурного общения. В рамках нашего подхода национальный коммуникативный стиль отражает существующие в культуре предпочтения по выбору вербальных, невербальных и паравербальных средств в организации интракультурного или межкультурного общения.

Мы ставим в статье задачу выявить взаимосвязь между *типом культуры и национальным коммуникативным стилем*.

В соответствии с параметрической моделью Г. Хофстеде [6], Германия и Россия имеют разные позиции по большинству культурных параметров. Немецкая культура характеризуется как индивидуалистская, с доминирующими маскулинными тенденциями, малой дистанцией власти и относительно невысокой терпимостью к неопределенности. В русской культуре на фоне немецкой традиционно сильны коллективистские тенденции, большая дистанция власти, преобладают феминистские ценности. Порог терпимости к неопределенности мало отличается в обеих культурах, но имеет в реальности разные формы выражения и свою специфику в проявлении.

Приведенные типизированные особенности двух культур можно рассматривать как основу для их сравнения.

Как носители индивидуалистских и коллективистских ценностных представлений, немцы и русские по-разному ведут себя, сотрудничая в тех или иных структурах. Как правило, немецкие коллеги предпочитают дискуссионность общения, допуская конфликтную тематику, стратегии конфронтации по отношению к мнению других, критический подход к выработке решений. Для них характерно четкое разграничение проблемы и личности, что часто идентифицируется в русской среде, для которой смешение меж-

---

¹ Инкультурация понимается как вхождение индивида в конкретную лингвокультуру, в результате чего формируется его языковая, когнитивная, эмоциональная и поведенческая идентичность с членами данной культуры и отличие от членов других лингвокультур [5]; [12]; [20].

личностных отношений и служебных ситуаций не редкость. Эффективность для немецких коллег заключается преимущественно в правильности, полезности и качестве принятого решения, а не в соблюдении статусной иерархии и обеспечении бесконфликтности общения, что часто встречается в русской коммуникации.

Одна из ярких особенностей коммуникации в системе русской культуры – существенная разница в стиле общения со “своими” и “чужими”. Разделение на “своих” и “чужих” имеет здесь, как отмечает Ю. Рот, функцию поддержания групповой идентичности [11]. При этом, граница между “ингруппой” и “аутгруппой” поддерживается переключением регистра коммуникации. Русские всегда общаются с иностранцами по-другому, чем с членами своих групп. Это выражается, например, в чрезмерной опеке иностранных гостей, особой предупредительности к ним. Подобное поведение часто воспринимается представителями других, особенно западных культур, как излишняя навязчивость, покушение на их самостоятельность и автономию.

Русским трудно представить себе, что в других культурах, в том числе в немецкой, нормой считается соблюдение равнозначности партнера по коммуникации, независимо от того, иностранец он или нет.

В отличие от русских, индивидуалистически ориентированные немцы не делают больших различий между отношениями внутри группы и вне группы. Они могут одновременно являться членами разных групп, границы между которыми, в вербальном и невербальном выражении, жестко не обозначены. Однако в немецкой культуре идентификация с группой и зависимость от нее намного меньше, чем в коллективистской русской культуре. Эмоционально индивидуалисты обособлены от окружающих и имеют склонность к уединению. Это позволяет им чувствовать себя комфортно в любом окружении или в одиночестве.

Поскольку немцы ощущают себя прежде всего как индивидуумы, а лишь затем как члены какой-либо группы, в немецкой культурной традиции высоко ценится зона личной автономии. Это проявляется как на уровне вербальных, так и невербальных сигналов. В частности, немецкое речевое общение отмечено рядом коммуникативных табу речевого и тематического характера [19, 11], “охраняющих” границы индивидуального “пространства” личности. Опрос, проведенный нами среди немецких респондентов, позволяет в самом общем виде получить представление о ряде тем в современном общественном дискурсе Германии, маркированных той или иной степенью табуированности. Почти все оп-

рошенные² выделили такие темы, как “смерть”, “болезни”, “доходы”, “нацизм”, “враждебность к иностранцам”, “еврейский вопрос”, “интимные вопросы”, “личностные оскорбления” в качестве основных, не принятых к обсуждению между собеседниками. Отдельно респондентами-мужчинами были названы тематические группы, исключаемые из ситуаций общения в присутствии женщин, а именно: темы, связанные с сексом и порнографией, предыдущий любовный опыт, мужские слабости и чувства, финансовые проблемы, непристойные слова и выражения.

Зона личной автономии в немецкой культуре выражается также в невысокой, по сравнению с русской, степени контактности. Как правило, немцы ведут себя замкнуто, дистанцированно по отношению к незнакомым людям и очень редко сами проявляют инициативу в сближении с иностранцами. Создается впечатление, что они абсолютно не заинтересованы в знакомствах. Кроме того, явно выраженная активность иностранного партнера, проявляемая при знакомстве, может расцениваться ими как назойливость или излишняя навязчивость.

Степень первоначальной сдержанности немцев в межличностных отношениях значительно обусловлена нормой разграничения личной и профессиональной сфер. На рабочем месте действуют достаточно жесткие правила формальных отношений и официального тона, доминирует Вы-обращение, приватные дела обсуждаются очень редко и неохотно. Стиль и тон общения резко меняются в ситуациях неофициального взаимодействия, например на вечеринках, праздниках, во время совместных путешествий и т. д. [9, 34]. В этой связи А. Моосмюллер замечает: “...При публичном обмене мнениями немцы тяготеют к формальному, обезличенному поведению. Когда немецкая предметная дискуссия ведется на публике, эмоций стараются избегать, но она сильно заряжена эмоциями, когда имеет место в личном общении... В частном общении немцы склонны быть максимально открытыми и проникать в самые глубинные пласты личности партнера” [10, 201].

В материалах межкультурных тренингов иностранцам часто рекомендуется знакомиться и устанавливать более тесные контакты с представителями немецких деловых кругов на разного рода неформальных встречах и развлекательных мероприятиях. Здесь, однако, может скрываться потенциальный межкультурный

² Респондентами являлись студенты и преподаватели Мюнхенского университета им. Л. Максимилиана, всего 65 человек. Опрос проводился в 2003 г.

конфликт, в который нередко оказываются вовлечены русские. Приведем пример подобного эпизода из опыта общения русских предпринимателей с их немецкими коллегами.

Стажировавшиеся в Германии представители русского бизнеса были приглашены немецкими партнерами на небольшую вечеринку с традиционным фуршетом. Атмосфера party “без галстуков” была очень благожелательная и раскованная. На следующее утро при встрече с шефом немецкой фирмы в бюро, русские, поздоровавшись с ним по имени и фамильярно похлопав его по плечу, с недоумением “наткнулись” на холодный взгляд и явную дистанцированность отношений. Перенеся настроение неофициальности вчерашнего вечера на уровень делового общения, представители русской культуры явно не учли разницу норм поведения в немецкой культуре в зависимости от формального или неформального коммуникативного контекста.

В русской культуре, где ценятся общение и солидарность, зона приватности выражена не так ярко, как в немецкой. Сближение собеседников возможно до более близкого расстояния, намного чаще допускается “вторжение” в чужое личное пространство [19]; [14]. Это проявляется в коммуникативной активности русских, легкости установления контакта с незнакомыми людьми, открытости, способности открыть душу незнакомому человеку. С этими коллективистскими качествами русских коммуникантов связан феномен “кухонного общения” в русской культуре, а также особый тип “вагонного общения” [14, 214]; [21, 435].

Наряду с параметром “индивидуализм/коллективизм”, процесс межкультурного взаимодействия опосредован двумя следующими измерениями: “дистанция власти” и “терпимость к неопределенности”.

Степень расхождения русской и немецкой культур в отношении иерархического устройства общества и восприятия в нем неравенства очень существенна. Это прежде всего отражается в управленческом стиле, способе организации деятельности, а также в поведении подчиненных.

Обозначим возможные случаи непонимания между сотрудниками совместных немецко-русских предприятий, спровоцированные разницей дистанции власти в двух культурах. Немецкий руководитель ожидает, согласно принятым в его культуре нормам, индивидуальной ответственности и инициативы в решении проблем от русских подчиненных. Те, в свою очередь, настроены преимущественно на распоряжения и указания собственного начальника, в соответствии с большой статусной дистанцией, типичной для производственных отношений в русской куль-

туре. И наоборот, немецкие работники очень часто воспринимают традиционного русского руководителя как лицо слишком авторитарное и недостаточно компетентное. В свою очередь, он расценивает немецких сотрудников как недостаточно почтительных, слишком самостоятельных и даже как неуправляемых. Таким образом, взаимные ожидания и коммуникативная реальность не совпадают.

Скорость и продуктивность принятия решений в ситуациях русско-немецкого сотрудничества также зависят от дистанции власти и статусной иерархии, принятой в России и Германии. Полномочиями по принятию решений с русской стороны наделены обычно представители, занимающие высокие должности в своих организациях, и чаще всего это высшие управленцы. С немецкой стороны участвовать в выработке и принятии решений могут компетентные специалисты даже среднего звена. Причиной скрытого или явного конфликта в подобных случаях является разница в статусах, которая вызывает у русских партнеров нежелание общаться с “нижестоящими” немецкими коллегами, а у немецких – недоумение по поводу бюрократических проблем русских.

Однако, несмотря на то, что неравенство и иерархия в немецком обществе существенны для его формальной организации, отношение к авторитетам имеет здесь свои устоявшиеся традиции. Нормы общения студентов с преподавателями, работников с начальством носят уважительно-вежливый, сдержанный характер. К вышестоящим принято обращение по фамилии в сочетании с имеющимся титулом [9, 78].

В связи с вышесказанным интерес представляют исследования зарубежных авторов [1]; [13], рассматривающих эту проблему с точки зрения этического подхода. М. Клайн и А. Вежбицкая отмечают, что в последние десятилетия в немецких речевых стратегиях и, возможно, в лежащих в их основе культурных ценностях произошли изменения. Речь идет о заметном расширении сферы употребления “фамильярной” формы обращения (*du* вместо *Sie*), а также о более редком использовании титулов (например, *Herr Muller* вместо *Prof. Muller*), что свидетельствует о значительных изменениях в межличностных отношениях в направлении большего равноправия и отказа от формальностей.

Полемизируя с М. Клайном, который вызывает изменения в правилах выбора между *du* и *Sie*, особенно среди молодого поколения, с антиавторитарным переворотом, А. Вежбицкая указывает на отсутствие непосредственной семантической связи между этими двумя явлениями: “...в форме *Sie* нет ничего собственно авторитарного.

Обращаясь к одним, употребляя местоимение *Sie*, а к другим — *du*, говорящий проводит различие между двумя типами межличностных отношений; грубо говоря, с одной стороны, между отношениями с теми, с кем он хочет общаться как с людьми, которых он хорошо знает или как с равными ему, и, с другой стороны, с теми, с кем он не хочет общаться таким образом. Используя при обращении *Sie*, говорящий совсем не обязательно хочет показать, что он расценивает собеседника как обладателя власти” [13, 165].

Продолжая далее эту мысль, А. Вежбицкая подчеркивает, что вряд ли более редкое использование титулов само по себе свидетельствует об уменьшении числа сторонников авторитаризма. По ее мнению, титулы лишь определяют разницу в социальном положении, и тенденция к сужению их употребления в Германии отражает скорее распространение эгалитарных, чем анти-авторитарных взглядов. “В одних странах люди могут ценить неравенство и статусные различия, не желая при этом подчинять свою волю воле тех, кого они считают занимающими более высокое положение; в других — люди могут быть готовы подчинять свою волю воле тех, кого они считают представителями “законной власти”, не рассматривая их как находящихся выше по своему социальному положению” [13, 166].

В Германии, где дистанция власти намного меньше, чем в России, одним из главных принципов жизни является уважение правового порядка. Закон для немцев имеет абсолютный смысл. Здесь нет законов “существенных” и “несущественных”. Все законы существенны и важны, все они должны неукоснительно исполняться. И этот вопрос не подлежит обсуждению [2].

С этим связана высокая регулятивность немецкой культуры. Кажется, что в Германии нет ни одного кусочка действительности, для которого бы не существовало какое-либо правило или ограничение. Все сферы жизни строго регламентированы. Определенное время отводится работам на улице, например, уборке опавшей в частном саду листвы или снега. Шумные работы в квартирах также регулируются строго по времени [9, 68]. Внешнему наблюдателю кажется, что в Германии законы и правила ценятся выше, чем человек, для которого они собственно и издаются.

В русской действительности мы встречаемся, как правило, с обратным явлением. Любая директива может модифицироваться, преломляться под человеческий фактор. Вспомним известную русскую поговорку: “Закон, что дышло; куда повернул, туда и вышло” (“*Das Gesetz ist wie eine Deichsel: wohin man es dreht, dahin weist es*”). В Германии нарушения любого рода очень негативно воспринимаются и критикуются ок-

ружающими. Поведение немцев, определяемое с точки зрения русской нормативной системы как “наушничанье” или “подглядывание”, считается вполне приемлемым в немецкой культуре как поддерживающее дисциплину и порядок.

Первое, что часто бросается в глаза любому иностранцу в Германии — это большое количество всевозможных запретительных предписаний. Иногда, как замечает М. Горский [3, 102], слово “запрещено” является первым немецким словом, которое выучивает иностранец. Кроме того, “*Verboten*”, по его мнению может возводиться в степень, переходя в “*Streng verboten*” (строго запрещено). А. Вежбицкая [13, 186], анализируя немецкие речевые стратегии, отражающие ценностные установки немецкой культуры, обращает внимание на широкое использование в объявлениях наряду с “*verboten*”, выражения “*nicht gestattet*” (“не разрешается”). Обилие подобных общественных знаков указывает, с ее точки зрения, прежде всего на постоянно испытываемую немцами потребность в *Ordnung* [13, 170]. “Везде должен быть порядок” (*Alles muss in Ordnung sein!*) — принцип, имеющий большую актуальность в немецкой культуре.

В сегодняшней Германии наряду с привычными и прямолинейными требованиями (*Durchgang verboten!*; *Der Zutritt durch nicht berechtigte Personen ist nicht gestattet!*) встречаются объявления, стилизованные под форму современного молодежного языка, имплицитно тем не менее стремящиеся к традиционному немецкому порядку. Приведем пример такого объявления, замеченного нами на стенке примерочной кабины в одном из немецких магазинов: „*Hey Leute! Es ware voll cool, wenn Ihr unsere Klamotten wieder „einigerma?en“ ordentlich herausgebt. Das fanden wir echt geil!*“

Строгое следование правилам и инструкциям связано со стремлением немцев исключить, по возможности, все непредвиденные случаи развития событий, ошибочные решения и тем самым свести до минимума фактор риска. Любая неясность и неизвестность неприемлема для немцев. Неожиданные, незапланированные ситуации вызывают обычно у представителей немецкой культуры раздражение и даже стрессовые состояния. В этом плане их степень тревожности намного выше, чем у представителей русской культуры. Однако, сравнивая в общем *терпимость к неопределенности русских и немцев*, отметим, что, согласно количественному исследованию Хофстеде, индексные показатели по этому параметру в двух культурах расходятся незначительно.

С одной стороны, данное совпадение является несколько неожиданным и даже может выз-

вать удивление, поскольку поведение тех и других в реальной жизни нельзя назвать одинаковым. Более того, проблемы в общении возникают как раз на основе разных поведенческих стратегий русских и немцев, разных подходов к подготовке и организации совместных действий. С другой стороны, принимая во внимание наличие в русской культуре достаточно большого количества формальных и неформальных правил, бюрократических структур, традиций, суеверий, выступающих как своего рода руководство к действию, можно найти объяснение статистическим выводам Хофстеде.

Другое дело, что представители русской и немецкой культур не одинаково относятся к соблюдению имеющихся законов, предписаний и запретов. Если в Германии неукоснительное исполнение закона — дело само собой разумеющееся, отвечающее ценностным представлениям общества [9, 68], то в России отношение к директивам скорее лично-прагматическое. При любой возможности “неудобные” закон или правило интерпретируются в пользу конкретной ситуации или личности. Кроме того, концептуальный подход в рамках нашей работы позволяет объяснить противоречие между экспериментальными данными по измерению “терпимость к неопределенности” и реальным поведением коммуникантов из двух культур. Поскольку культурные параметры существуют не изолированно друг от друга, а в сложной функциональной взаимозависимости, очевидно, что коммуникативное поведение русских и немцев обусловлено целым комплексом свойств культур. Это значит, что “сцепление” всех аспектов культурной вариативности придает каждому из них определенное своеобразие и специфику реализации.

В связи с предложенным выше анализом особенностей русско-немецкого взаимодействия по трем параметрам Хофстеде интерес представляют взаимные наблюдения русских и немецких партнеров, касающиеся делового общения [11]:

- Русские о немецком деловом мире и немцах:
- господство планов и расписаний, недостаток гибкости при их вынужденном изменении;
  - отсутствие почтения к начальству;
  - обязательность участия каждого в обмене мнениями при переговорах и обсуждениях;
  - дистанцированность в деловом общении;
  - недоступность в нерабочее время;
  - соблюдение планов считается более существенным, чем поддержание человеческих взаимоотношений;
  - ценят рабочую дисциплину превыше всего;
  - не воспринимают предупредительность и помощь;
  - иное представление о гостеприимстве;

- предпочитают быть постоянно информированными, вместо того чтобы самим добывать информацию;

- отдают приоритет письменным предписаниям.

Немцы о русском деловом мире и русских:

- недостаточная готовность к самоинициативе и риску;

- замкнутость групп и недоступность членов этих групп для внешнего окружения;

- отсутствие высказываний, выражающих расхождение мнений, в обсуждениях и переговорах;

- почтительное отношение к начальству, даже при его профессиональной некомпетентности;

- активное участие в обсуждениях и переговорах только небольшой части коллектива при традиционно пассивном соучастии остальных;

- компетентность партнеров не всегда оценивается по их профессиональным способностям;

- отсутствие, как правило, ответственных или виновных за принятое решение;

- решение личных проблем во время рабочего времени (на рабочем месте) как норма;

- распространение влияния и власти вышестоящих на личное время нижестоящих;

- чрезмерное курирование зарубежных (немецких) партнеров или, наоборот, предоставление их самим себе;

- игнорирование плановых обязательств или повестки встреч;

- любопытствующее вмешательство в сферу личной жизни зарубежных партнеров;

- частые празднества и застолья (“распития”), принуждение к выпивке и тостам.

Завершая обзор русско-немецкого контекста взаимоотношений по измерениям Хофстеде, остановимся кратко на моментах сходства и различия двух культур по параметру “маскулинность/фемининность”.

В немецкой культуре доминируют маскулинные, в русской — фемининные черты. Немецкий индивидуализм и преобладание мужского начала в культуре — логично дополняющие друг друга, взаимосвязанные качества. Подобное сочетание ценностных установок немецкого общества обуславливает, прежде всего, стремление его членов к независимости и лидерству, настрой на конкуренцию. Нельзя сказать, что в русской культуре совсем отсутствует настрой на состязательность, но присущие ей коллективистские ценности и особый дух соборности определяют приоритетность человеческих взаимоотношений и высокую значимость сотрудничества в любой деятельности.

Что касается степени ролевой дифференциации полов, различающейся в культурах маскулинного и фемининного плана, то публикации по этому вопросу подтверждают скорее схожесть ситуаций в русской и немецкой культурах [14, 238]; [9, 128]. Как в России, так и в Германии заметно традиционное четкое распределение социальных обязанностей между мужчинами и женщинами.

Однако, понятия о мужественности и женственности, о разнице между полами имеют свои особенности в сравниваемых культурах. Так, являющиеся нормой русской культуры подчеркивание слабости и особого статуса женщины не типичны и даже оскорбительны в контексте немецкой. Преобладающие в ней мужские ценности накладывают определенный отпечаток на поведение как мужчин, так и женщин.

Не принято, без высказанной женщиной просьбы, помогать ей нести чемодан или сумку, поскольку это может показаться намеком на неравенство между мужским и женским полом. Нарушением “симметрии во взаимоотношениях” с негативными последствиями может обернуться традиционное для русского мира одаривание цветами коллег-женщин, например, к какому-либо празднику. Немки, в отличие от русских женщин, чаще посещают без сопровождения мужчин кафе и рестораны, не вызывая при этом “шлейфа” отрицательных ассоциаций. Как правило, равноправие между мужчинами и женщинами подчеркивается также тем, что каждый в Германии обычно платит сам за себя. Комментируя подобные ситуации в немецкой культуре с точки зрения “своей колокольни”, русские перефразируют название известного немецкого романа „Jeder zahlt für sich allein, jeder stirbt für sich allein“.

Частым источником непонимания в контактах между представителями русской и немецкой культур является культурно детерминированная темпоральная парадигма, в соответствии с которой партнеры по коммуникации по-разному проявляют себя в совместных действиях. Времени как организационному и коммуникативному фактору придается чрезвычайно большое значение в немецкой культуре. Не будет преувеличением сказать, что концепт, заключенный в немецком слове „Zeit“, реализуемый в понятиях „Punktlichkeit“, „Planung“, „Terminkalender“, „Organisation“, относится к ключевым элементам национальной культуры.

Для большинства русских время не является жесткой максимой (принципом) их жизни. Поэтому отношение к нему чаще всего можно назвать легкомысленным, что находит отражение во всякого рода опозданиях, переносах мероприятий, изменениях повестки дня за-

седаний, несоблюдении графиков автобусов, поездов и т. д. Размытость и растяжимость отношения ко времени в русской парадигме проявляется также на вербальном уровне, что часто бросается в глаза иностранцам. Русский язык позволяет выразить договоренность, например о встрече, достаточно неопределенно, причем без эксплицитных маркеров, типа: *примерно, приблизительно, около*. Простое изменение порядка слов в словосочетании “в семь часов” на “часов в семь” вполне может служить коммуникативной помехой, особенно для немецкой точности. Русский не видит проблемы в том, что он лишь накануне предупреждает своего делового партнера о предстоящем визите, а для немецкого коллеги, у которого все распланировано заранее, это просто неприемлемо.

Пунктуальность немцев, с одной стороны, относится к известным стереотипам о них, с другой – многократно подтверждается самой жизнью. Соблюдение пунктуальности рассматривается ими, о чем свидетельствуют ситуации сотрудничества с представителями немецкой культуры, как гарантия надежности. Более того, как общество с низкой степенью терпимости к неопределенности, стремящееся максимально обезопасить свое будущее, предотвратит возможные проблемы, оно воспринимает пунктуальность и долгосрочное планирование в качестве способов противодействия непредсказуемости. В оценке немцев неумение планировать свое время и свою деятельность граничит с отсутствием профессионализма, безответственностью и некомпетентностью.

В свою очередь, гиперчувствительное отношение ко времени в немецкой культуре не отвечает русским представлениям о его эффективном использовании. Например, запланированные на определенную длительность семинары или совещания заканчиваются строго согласно регламенту, несмотря на то, что, с точки зрения русских, обсуждаемые вопросы были искусственно “растянуты” и не требовали такого количества времени. Такой подход вызывает недовольствие теперь уже у русских.

Доминирующей темпоральной тенденцией немецкой культуры считается ее монохронный характер. Явная склонность представителей немецкой культуры к планированию, соблюдению договоренностей, сосредоточенность на выполнении одного дела в определенный промежуток времени являются проявлениями монохронности.

Безусловно, в каждом обществе, как отмечалось выше, присутствуют элементы как монохронного, так и полихронного времени. В соот-

ветствии с концептуальным положением нашей работы об относительности специфических свойств любой культуры и “выпуклости” этих свойств только на фоне другой сопоставляемой культуры, можно смело говорить о значительно большей степени выраженности монокронной системы времени в Германии по сравнению с Россией.

Обратим внимание на работу продавца в немецком магазине, в том числе в крупном супермаркете, переполненном людьми. Каждый продавец обслуживает в один отрезок времени только одного клиента и никогда не будет одновременно отвечать на вопросы или требования другого посетителя. Нетерпеливых русских покупателей, стремящихся срочно получить информацию и товар, быстро рассчитаться и при этом задать множество вопросов продавцу-консультанту, часто раздражает подобное поведение сотрудников. Это вполне объяснимо, поскольку русская культура, без сомнения, тяготеет к полихронному способу деления времени и поэтому русские охотно переключаются с одного дела на другое, спокойно относятся к тому, что их прерывают. Немцев же просто сбивает с толку то, что во время их разговора с русским партнером тот часто отвлекается и занимается одновременно другими делами. В этом смысле русские как представители полихронной системы более мобильны и проявляют большую гибкость в решении вопросов.

Приоритет монокронного или полихронного использования времени вторгается также и в область межличностных отношений. Отрицательная реакция на вмешательство и помехи в служебной деятельности, представление об изолированности личной сферы являются незыблемыми устоями немецкой жизни. Это распространяется и на восприятие личной собственности, рассматриваемой как часть личного пространства, уважаемого и неприкосновенного для немцев. Отсюда вытекают также многие правила немецкого дискурса, например табуированность тем о зарплате, доходах, состоянии здоровья, семейном положении и детях. Само собой разумеющимся считается, что коллеги по работе не знают и не празднуют дат рождения друг друга, не занимают денег и не одалживают других вещей. С точки зрения русской перспективы, человеческие отношения приносятся в жертву линейной организации времени (напомним, что монокронному времени соответствует представление о нем как о линейной системе), принципами которой являются экономное расходование времени, концентрация внимания и личностная обособленность. В связи с этим немецкие коллеги редко приглашают своих иностранных партнеров к

себе домой, предпочитая совместный ужин в одном из ресторанов. Это часто обижает русских, живущих совсем по другим нормам и традициям. Для России всегда было характерно тесное переплетение личной и служебной жизни. Дружеские контакты, родственные связи имеют большое значение для русского мира.

Различия в поведении русских и немцев по темпоральному фактору связаны не только с микро-перспективой (полихронность/монокронность). Свой отпечаток на коммуникацию накладывает и макро-перспектива временной ориентации (направленность на прошлое, настоящее, будущее). В этом плане считается, что Россия более, чем Германия, ориентирована на прошлое. Подтверждением тому может служить русская реклама, в которой преобладают ценности дореволюционной России и бывшего СССР. Качество товара, его название вызывает больше доверия у населения, если оно коррелирует со старым добрым прошлым: “Кофейня на паях”, “Конфеты Коркунов”, “Наша марка “Красный Октябрь”, “Качество не моей мануфактуры” и т. д. В журнале “Реклама — ваш капитал” отмечается, что “большинство россиян больше любят доброе и консервативное, чем агрессивное и прогрессивное” [15]. В связи с этим не случайным представляется также, что при выборе музыки и слов нового гимна для России решение было принято в пользу старого варианта, вызывающего, по мнению политиков, положительные ассоциации у русских, бывших советских людей.

Немецкая культура, очевидно делая большой упор на традиции и историю, тем не менее, может рассматриваться по сравнению с русской как культура менее направленная на прошлое (по сравнению с США Германия, как и все западноевропейские страны, воспринимается как общество, ориентированное на прошлое).

На формирование национального коммуникативного стиля, а значит, и на характер русско-немецкой коммуникации, оказывает также влияние фактор, определяемый американским антропологом Э. Холлом как контекстность культуры. Напомним, что под контекстом понимается как объем информации, окружающий деятельность человека, и способы обмена данной информацией, так и роль неязыкового контекста в коммуникации. Между культурно обусловленными категориями “время” и “ориентация на контекст” существует очевидная взаимосвязь. Общества с полихронным отношением ко времени чаще всего высококонтекстны, общества с монокронной системой времени — преобладающе низкоконтекстны. Поскольку немецкая культура считается одной из самых низкоконтекстных культур, а русская, по мнению многих авторов,

тяготеет к культурам с высоким контекстом (особенно если принимать во внимание ее соотношение с немецкой), это, несомненно отражается в специфике коммуникативного стиля представителей данных культур и часто осложняет межкультурное общение.

Индивидуалистские тенденции, преобладание монокронного типа деления времени в немецкой культуре по сравнению с русской проявляются в недостаточности неформального информационного обмена между немецкими коммуникантами и в слабой зависимости интеракции от контекста. Большая часть информации передается знаковым кодом (словесно), а не через общий контекст сообщения. Коннотации, “чтение между строк” не играют значительной роли в немецком общении.

Приоритетным для немецкого дискурса является *прямой, эксплицитный коммуникативный стиль* [7, 25]. В этом смысле русская поговорка “Что на уме, то и на языке” имеет позитивный характер в условиях немецкой реальности. Свое намерение немец, как правило, выражает ясно и открыто, не предполагая, что оно будет понято из ситуации общения. Представляется, что не случайно немецкий фразеологический оборот “*mit j-m deutsch reden*” имеет значение “говорить без обиняков, напрямик”, а его вариация “*auf gut deutsch*” служит синонимом выражению “просто, прямо, недвусмысленно”. В одном из стихотворений Гете читаем: “*Drum sagt man ihnen deutsch ins Gesicht*”. Смысл данной идиомы — “говорить правду в лицо”, а слово *deutsch* понимается здесь как ясный, четкий, открытый, дополнительный оттенок — “чистосердечно”, “без прикрас или лжи”. С этим связана знаменитая цитата из “Фауста” Гете³: “Лжет речь немецкая, когда она учтивая” [16, 187]. Можно предположить, что эксплицитность как норма немецкой коммуникативной культуры имеет давнюю традицию, найдя свое отражение в немецкой фразеологии и литературе.

Итак, содержательный аспект в немецком общении (*что сказать*) ценится выше, чем поддержание межличностных отношений. Эмоциям и чувствам придается мало значения; доминируют достоверность, логика и аргументация высказывания, фактические знания и риторические способности партнеров по коммуникации. В первую очередь в расчет принимается дело, а не эмоции и гармоничность взаимоотношений. Даже жесткая критика произносится прямо, без предварительных разговоров и намеков.

³ „Im Deutschen lügt man, wenn man hoflich ist“: Немецко-русский фразеологический словарь. — 1975, с. 123-124.

Прямой открытый стиль коммуникации, принятый среди немцев, означает также, что все услышанное ими воспринимается дословно. Особенно это относится к выражению согласия и принятию приглашений в деловой и приватной сферах. В Германии не принято говорить “да” только для того, чтобы не обидеть, например, коллегу, зная заранее, что приглашение не будет принято. Ложное обещание расценивается как ненадежность и несерьезность партнера, который говорит не то, что думает, а делает не то, что говорит. Кроме того, подобное поведение всегда вызывает недоумение, поскольку ясный отказ считается вполне приемлемым и, по крайней мере, честным [9, 53, 54].

Корректность и вежливость общения в русском варианте имеет мало общего с пониманием таковых с точки зрения немецкой нормативно-ценностной системы.

Категорическое причисление России к полихронным высококонтекстным культурам вряд ли оправданно без масштабных экспериментальных исследований, однако имеющийся эмпирический материал обнаруживает большое количество признаков, свидетельствующих о том, что русскую культуру на фоне немецкой можно назвать высококонтекстной. Коллективистские тенденции русской культуры обуславливают высокую информационную обеспеченность всех участников коммуникативного процесса. В России традиционно велика роль неформального общения, которое считается более эффективным, чем официальное [18, 215]. Максимум внимания придается личным взаимоотношениям, устные договоренности предпочитают письменным. Для русских деловых контактов важно начальное знакомство и его дружеское развитие. Русский коммуникативный стиль характеризуется меньшей степенью эксплицитности, но большей “затекстовой” нагруженностью [14, 349], достаточно широким использованием в общении намеков, пресуппозиций, игры слов.

Анализируя особенности русского языка, отечественные лингвисты отмечают, что: “в русском языке гораздо богаче, чем во многих других, поле неопределенности” [17, 23]. Речь идет прежде всего о неопределенных местоимениях на — *то*, — *нибудь*, *кое-*, *некий*, *некто*. Зависимость русской коммуникации от контекста на вербальном уровне проявляется также в расплывчатости и неконкретности речи, избытии некатегоричных форм высказывания, слов типа: может быть, вероятно, возможно, как бы.

Подведем некоторые итоги. Типологическая контрастность немецкой и русской культур обуславливает разницу между русским и немецким коммуникативным стилем. Обобщая осо-

бенности русской и немецкой коммуникации, обусловленные типом национальной культуры (ср. также [4, 115], [18, 203–210]), можно утверждать, что в Германии доминирует *прямой, точный, лично-ориентированный, рациональный стиль* общения; русский коммуникативный стиль характеризуется как *интуитивный, статусно-ориентированный*, отмеченный такими качествами, как *общительность, контактность, искренность*.

Учитывая данные различия в коммуникативных стилях русских и немцев, можно понять причины или источники конфликтных ситуаций в деловом и повседневном общении между представителями этих культур, осуществлять их профилактику, а также предложить комплексное описание немецкой и русской коммуникативных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Clyne Michael (1995). The German language in a Changing Europe / Michael Clyne. — Cambridge University Press.
2. Frenkin A.: Die Deutschen aus russischer Sicht / A. Frenkin. — Mitschka Verlag, Leinfelden-Echterdingen, 1995.
3. Gorski M.: Gebrauchsanweisung fuer Deutschland / M. Gorski. — Piper Muenchen-Zuerich, 2002.
4. Gudykunst W. (Hrsg.). Intercultural Communication Theory. Current Perspectives / W. Gudykunst. — Newbury Park, 1988.
5. Herskovits M. Cultural Anthropology / M. Herskovits. — New York., 1955.
6. Hofstede G. Lokales Denken, globales Handeln. Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management / G. Hofstede. — Muenchen, 2001.
7. Kartari A. Deutsch-tuerkische Kommunikation am Arbeitsplatz. Zur interkulturellen Kommunikation zwischen tuerkischen Mitarbeitern und deutschen Vorgesetzten in einem deutschen Industriebetrieb / A. Kartari // Muenchner Beitrage zur Interkulturellen Kommunikation. — Waxmann, 1997.
8. Kulturschock Rusland / Barbara Lowe. — Reise Know-How Verlag Peter Rump GmbH, 1999.
9. Markowsky R. Studienhalber in Deutschland: interkulturelles Orientierungstraining fuer amerikanische Studenten, Schueler und Praktikanten / R. Markowsky, A. Thomas. — Heidelberg: Asanger, 1995.
10. Moosmueller A. Learning Objective Intercultural Competence. Decoding German Everyday Knowledge from a Japanese Perspective. — In: Jensen et. al. (Eds.) Intercultural Competence. A New Challenge for Language Teachers and Trainers in Europe / A. Moosmueller. — Aalborg: University Press, 1995. — S. 191-208.
11. Roth J. Wir und die Anderen: Deutsch-russische Kommunikation im Postsozialismus / J. Roth // In: Ehlich E., Scheiter S. Interkulturelle Kommunikation analysieren. Bedingungen, Ziele, Verfahren. Muenchner Beitrage zur Interkulturellen Kommunikation. — Bd. 9 (1998).
12. Белик А. А. Культурология. Антропологические теории культур / А. А. Белик. — М., 1998.
13. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Пер. с англ. А. Д. Шмелева / А. Вежбицкая. — М.: Языки славянской культуры, 2001.
14. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография / О. А. Леонтович. — Волгоград: Перемена, 2002.
15. Медведева Е. В. Рекламная коммуникация / Е. В. Медведева. — М.: Эдиториал УРСС, 2003.
16. Межкультурная коммуникация: учебное пособие. — Нижний Новгород, 2001.
17. Падучева Е. В. Феномен Анны Вежбицкой / Е. В. Падучева // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1997. — С. 5-32.
18. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. — Воронеж, 2001.
19. Стернин И. А. Очерк английского коммуникативного поведения / И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина. — Воронеж, 2003.
20. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. — М.: ИП РАН, Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
21. Шаповалов В. Ф. Россияведение: Учебн. пособие для вузов. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.